

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА

Психоаналитическое прочтение случая суданского иммигранта Мустафы Саида в романе Тайиба Салиха «Сезон паломничества на Север»

В.Ю. Виниченко

Виниченко Валентин Юрьевич – кандидат экономических наук, магистр психологии, психоаналитический психолог.

Общепринятый взгляд психологов и литературных критиков на произведение Тайиба Салиха «Сезон паломничества на Север» состоит в том, что жестокая межрасовая сексуальность Мустафы Саида в отношении британских женщин обусловлена бессознательным стремлением к мести за жестокую оккупацию Судана британскими колонизаторами. Данное объяснение также отражает и взгляд писателя на свое произведение, высказанный им в интервью арабским медиа. В статье предпринята попытка психоанализа динамики внутриспсихических конфликтов Мустафы Саида с использованием современных психоаналитических концепций, объясняющих внутриспсихические конфликты иммигрантов. Полученные результаты исследования оказались кардинально отличающимися от общепринятого устоявшегося взгляда и позволяют сделать вывод о том, что Мустафа Саид является отщепенной «плохой частью» писателя Тайиба Салиха.

Ключевые слова: Тайиб Салих, Мустафа Саид, психоанализ, иммиграция, коллективная травма, связывающий объект, эдипов комплекс, нарциссическая ярость, психоз, грандиозность, расщепление, оператуарность, избегающая привязанность.

«Метафорически выражаясь, Европа изнасиловала Африку в грубой форме. Мустафа Саид, герой романа, отреагировал на это доминирование противоположной реакцией, в которой был элемент стремления к мести. Своими жестокими завоеваниями женщин он хочет причинить Европе ту деградацию, которую она навлекла на его народ. Он хочет метафорически изнасиловать Европу».
Тайиб Салих. Четыре интервью

В исследовании используется материал романа «Сезон паломничества на Север» выдающегося суданского писателя Тайиба Салиха (1929–2009). Произведение Салиха описывает внутренний личностный конфликт, испытываемый на протяжении всей жизни талантливым представителем патриархального арабского общества Мустафой Саидом, столкнувшимся в период своего становления с военной и культурной экспансией британского колониализма в Судане, а позднее эмигрировавшим в Великобританию. Тайиб Салих опубликовал свой роман в 1966 году, через десять лет после обретения Суданом независимости. Долгое время литературное произведение было запрещено для публикации на родине писателя. В 2001 году «Сезон паломничества на Север» был отмечен Арабской литературной академией в качестве самого выдающегося арабского романа XX века.

Повествование в романе происходит в виде потока сознания двух персонажей: главного героя и рассказчика – иммигранта более молодого поколения, вернувшегося после семилетнего пребывания в Великобритании и потому имеющего собственные взгляды и представления о жизни и культуре обеих стран и описывающего главного героя через призму собственного восприятия. Безымянный молодой иммигрант описывает историю «черного англичанина» Мустафы Саида – уникально одаренного суданца, родившегося в год порабощения Судана, выросшего в эпоху колониального господства Великобритании, а затем продолжившего свое образование в Лондоне и сделавшего там блистательную карьеру. Карьера Мустафы Саида оборвалась из-за убийства им своей жены и самоубийства нескольких британских женщин, вызванных созависимыми отношениями. После отбывания семилетнего наказания в тюрьме Мустафа Саид возвращается в Судан и поселяется в суданской деревушке, где женится на местной женщине, относясь к ней (в отличие от своих отношений с британками) с абсолютной нежностью и отцовской заботой. Он пытается вписаться в местную патриархальную жизнь, что ему не удастся, он испытывает депрессию и совершает самоубийство, поручая рассказчику истории опеку над своими детьми. Молодая вдова Мустафы Саида впоследствии против ее воли выдается родственниками за ненавистного ей старика и убивает его, а затем и себя в момент его попытки сексуального сближения. Рассказчик истории также пытается покончить с собой, как и Мустафа Саид, но в последний момент осознанно выбирает жизнь

и ответственность перед своими близкими вместо забвения смерти, чем противопоставляет себя Мустафе Саиду.

Учитывая, что Тайиб Салих говорил о том, что писал роман, находясь под влиянием Фрейда, разбор психодинамики личностных конфликтов характера главного героя романа Мустафы Саида представляется своего рода психоаналитическим ребусом с отсылками к политической истории Судана, параллелями с биографией писателя, а также психоаналитической интерпретацией комментариев (или умалчиваний) Тайиба Салиха относительно своих идей и замыслов, нашедших отражение в его произведении.

Рождение Мустафы Саида и «избранная коллективная травма» суданцев

Главный герой «Сезона паломничества на Север» Мустафа Саид по замыслу писателя родился в столице Судана – городе Хартуме – 16 августа 1898 года. Думаю, что писатель не случайно дает своему герою точную дату и место рождения. Дело в том, что этот год в истории Судана был отмечен битвой при Омдурмане в пригороде столицы Хартум 2 сентября 1898 года, в ходе которой британская армия под командованием легендарного генерала Герберта Китченера разгромила освободительное движение махдистов, боровшееся за независимость Судана. Поражение махдистов стало вторым и окончательным завоеванием Судана Великобританией. Военные историки, описывавшие это сражение, указывали, что, несмотря на численное превосходство освободительного движения (50 тысяч человек против 26 тысяч), оно потерпело сокрушительное поражение: было убито около 11 000 повстанцев, 13 000 ранено и 5000 захвачено в плен. При этом британская армия потеряла всего 50 человек убитыми. По сути это сражение скорее было похоже на казнь и показало техническое и стратегическое превосходство британской армии и британской культуры в целом, если говорить более обобщенно. Сравнивая с настоящим временем, несопоставимость технического оснащения противоборствующих сторон была такой же, как при вторжении США в Ирак. Конные всадники, закованные в латы, вышли сражаться против пулеметов «Максим» британцев. В этой войне британцы впервые применили ныне запрещенные пули с полым наконечником, так называемые экспансивные пули (*expanding bullet*), которые расширились и многократно усиливали поражающее действие. Дело в том, что, борясь с сопротивлением колонизации в Индии, британцы столкнулись с тем, что даже раненые повстанцы продолжали ожесточенно сопротивляться и поэтому были разработаны пули с раскрывающимся в форме цветка наконечником, наносящие максимальное поражение при попадании – дробящие кости при попадании в конечности и приводящие к смерти практически при любом попадании в туловище. Экспансивная пуля в виде смертоносного цветка представляется яркой метафорой британской военной и культурной колонизаторской экспансии в суданский патриархальный мир.

Если использовать терминологию Вамика Волкана, то битва при Омдурмане представляет собой «избранную коллективную травму» суданского народа (*Volkan, 1997*). Данная битва показала беспомощность и бесполезность сопротивления перед вторжением столь могущественной и настолько более развитой, практически неуязвимой цивилизации. В романе указывается, что отец Мустафы Саида умер в год рождения ребенка и, несмотря на то что об этом не говорится в книге, можно сделать предположение, что он мог быть убит именно на этом сражении. Возможно, отец даже мог видеть двухнедельного младенца перед сражением, и тогда становится понятна причина, по которой мать оказалась замороженной и бесчувственной именно из-за этой коллективной травмы и гибели ее мужа. Таким образом, получается, что Мустафа Саид родился в один из самых трагичных периодов и каком-то смысле история Мустафы Саида представляется метафорическим собирательным образом истории рождения и развития «избранной коллективной травмы» суданского народа.

Важно отметить, что, с другой стороны, сражение при Омдурмане составило «избранную славу» для «большой группы», представляющей собой британское общество. Вамик Волкан описывает «избранную славу» как общие мысленные образы прошлых событий и героев, вызывающие в «большой группе» гордость и удовольствие (*Volkan, 1997*). Генерал Герберт Китченер получил титула барона Китченера Хартумского (Хартум – столица Судана) за свою победу, а Уинстон Черчилль, участвовавший в этой битве, был преисполнен гордости, описывая ее позже в своих исторических трудах, пусть и порицая Китченера за массовое уничтожение раненых на поле боя (хотя впоследствии он изъял даже эти порицающие комментарии, опасаясь снижения своей популярности среди британцев). В Великобритании появились улицы с названиями в честь победы: Omdurman Road в Хэмпшире, Omdurman Street в Свиндоне, Omdurman Road в Саутгемптоне. Несколько улиц с этими же названиями появились и в Австралии. Тот факт, что и сейчас мы можем найти эти улицы на google-картах, свидетельствует о том, что в британской культуре данное уничтожение суданского народа, отстаивавшего свою независимость, до сих пор относится к страницам «избранной славы». И это не говоря уже о том, какое количество улиц и площадей в странах Британского содружества носят имя генерала Китченера. Семейная настольная игра «Битва при Омдурмане», выпущенная в 1982 году, также демонстрирует, что уничтожение суданцев до сих пор представляет собой «избранную славу большой группы» в коллективном бессознательном британского общества.

Детское развитие Мустафы Саида

Детское развитие Мустафы Саида характеризуется четырьмя важнейшими особенностями, заложившими основу его дальнейшего психического развития и оказавшими влияние на его судьбу: замороженность

скорбящей матери, избегающая привязанность, психическая оператуарность и пассивная эдипальная победа.

«Вечно скорбящая» мать

Отец Мустафы Саида умер незадолго до его рождения, оставив матери небольшие сбережения, которые позволяли им не испытывать нужду. Важно отметить, что на протяжении всего романа ни разу не упомянуто ни имя матери, ни имя отца Мустафы Саида. Его мать не вышла замуж во второй раз, они жили вдвоем, у него не было ни сиблингов, ни близких родственников. Мать была склонна к сдерживанию своих чувств, ее лицо не выражало никаких эмоций, она не позволяла себе улыбаться, вероятно, потому, что основной ее эмоцией была боль утраты своего мужа. Исходя из того, что она не вышла второй раз замуж, что большая редкость в арабском мире, можно предположить, что она сильно любила своего мужа и так и не смогла пережить горе его утраты.

Мустафа Саид так описывает свою мать: «Я и сейчас вижу ее перед собой как живую. Тонкие, плотно сжатые губы придавали ее лицу решительность. Оно временами было похоже на застывшую маску, а иногда выражение на нем сменялось неуловимо, как краски на море в ветренный день. Родственников у нас не было. Мы были одни на свете. Но мать оставалась мне совершенно чужой. Мы жили с ней как случайные попутчики, которых на время свела дорога. Может быть, я чем-то отличался от обычных мальчиков. Может быть, моя мать была необычной женщиной. Сейчас мне трудно судить. Но все у нас было не как в других семьях. Мы почти не разговаривали друг с другом» (Салих, 2013, с. 48).

В определениях Вамика Волкана можно определить мать Мустафы Саида как «вечно скорбящую». «Вечно скорбящие» по Волкану – это многолетние скорбящие, которые переживают свое горе, не доводя его до практического завершения и не развивая меланхолию (Волкан, 2012). Она не была иммигранткой и беженкой, но после колонизации страна уже не принадлежала народу, поэтому в каком-то смысле она была чужой в собственной стране. Ее холодность объясняется замороженностью психики вследствие неспособности проделать работу горя. Мустафа отчасти обвинял и себя в причине холодности матери, говоря, что он и сам понимал, что отличается от сверстников. На мой взгляд, отличие Мустафы от сверстников произошло именно по причине холодности матери, которая не была «достаточно хорошей матерью», если использовать определения Винникотта.

Избегающая привязанность

Вследствие холодности матери Мустафа Саид приобрел свойства избегающей привязанности, которая, по мнению Мэри Эйнсворт, представляет собой не что иное, как маскировку горя отверженности. Вырастая, такой ребенок во взрослой жизни обычно старается уклониться от близких отношений, держит партнера на расстоянии, может скрывать от партнера

свои чувства, при этом нуждаясь в близких поддерживающих отношениях и чувствуя себя одиноким. Мы видим паттерн этого поведения и у Мустафы Саида: «И такая свобода от всяких привязанностей радовала меня. Я читал и спал, когда хотел. Уходил, приходил, бродил по улицам, повинуюсь лишь собственным желанием. Никто мне не приказывал, никто мне ничего не запрещал» (Салих, 2013, с. 48).

Дети с избегающей привязанностью очень рано на бессознательном уровне понимают, что им не следует полагаться на родителей и что они должны сами позаботиться о себе для выживания. Так случилось и в жизни Саида, когда он, будучи неграмотным мальчиком, встретил британского военного, который привел его учиться в школу. Британский военный сказал Мустафе, что если он пойдет учиться, то потом сможет занять важную должность: «"Вот кончишь школу, станешь государственным чиновником и тоже будешь носить цилиндр", – сказал незнакомец. "Я пойду, пойду в школу!" – закричал я» (Салих, 2013, с. 48).

Школа представляла собой красивое каменное здание среди большого сада на берегу Нила, явно отличаясь от привычного деревенского окружения. Представляется, что та школа стала для маленького Мустафы символом власти и успеха и именно с тех пор Мустафа связал свою успешность в жизни с освоением знаний. С того времени, учась в начальной школе, затем в Каире и позднее окончив самый престижный в Великобритании Оксфордский университет, он был устремлен к одной цели – по его выражению, он рванулся вперед, как стайер перед финишем. Его не интересовало отношение учителей и учеников, он надеялся не на отношения и связи, а только на силу своего интеллекта. В его успешной карьере было много людей, помогавших ему продвигаться все выше и выше, но он не испытывал к ним благодарности, принимая их помощь как само собой разумеющееся, как атрибут, присущий его высокому интеллекту.

Очень часто дети с избегающей привязанностью демонстрируют раннее развитие и большую самостоятельность как сверхкомпенсацию недостаточной заботы взрослых. Все это мы также можем наблюдать у Мустафы Саида: «Почти сразу выяснилось, что у меня удивительная память. Стоило мне прочесть книгу, и она словно отпечатывалась у меня в мозгу. Арифметика давалась мне очень легко, и вскоре любая задача была мне нипочем. Писать я научился за две недели» (Салих, 2013, с. 49).

Пассивная эдипальная победа

Смерть мужа сильно травмировала его мать, и это отразилось на ее замороженности в состоянии горя и холодности по отношению к своему сыну. Очевидно, что мать не могла интерпретировать свои эмоции и не обсуждала с сыном переживаемое ею горе в связи со смертью мужа, который в условиях патриархального общества того времени выполнял функции покровителя и защитника. Похоже, она настолько была затоплена переживанием горя, что не могла бы говорить ни о чем другом с сыном. Мне кажется, что, по сути, его мать была ему как бы сиблингом, горящим по потере мужа-отца, поэтому даже при прощании она апеллировала к

отцовской воле, которая не позволила бы сыну уехать, но поскольку отца нет, она ничего не может поделать, потому что ничего не решает. Узнав о решении своего 13-летнего сына уехать учиться в Каир, она сказала, что его отец, если он был бы жив, не отпустил бы его и выбрал для него другую судьбу. При этом она добавила, что он сам вправе распоряжаться своей жизнью. Расставание было без слез, мать не пошла провожать его на вокзал.

Мустафа Саид, будучи недоинвестированным матерью с самого рождения, не смог занять место отца в доме, да он и не имел перед глазами примера роли отца в семье, поэтому он был занят исключительно своим спасением, и ему также не было дела до матери. Возможно, мать ожидала от сына, что он останется с ней и будет заботиться о ней, когда вырастет, о чем говорят ее слова, что его отец выбрал бы для него что-то другое, то есть она хотела бы, чтобы он заместил ее мужа-отца и заботился бы о ней.

В одной из статей, посвященных анализу романа, приводится другое объяснение того, почему мать отпускает Мустафу в Каир. Там говорится, что женщины в колонизированных странах потеряли чувство материнства в результате убийства. Эти женщины становятся неспособными выражать свои чувства к своим детям, и отправка детей из их страны может показаться лучшим способом обезопасить своих детей. Такие матери убеждены, что все, что может произойти с их детьми за границей, будет лучше, чем если они останутся на родине (*Muhaidat F. et. al.*, 2018). Мне кажется, что это объяснение в данном случае не работает, поскольку его мать считала, что отец как покровитель и наставник, желающий для Мустафы только лучшего, оставил бы его дома в Судане. Из этого я делаю вывод, что она тоже хотела бы, чтобы он остался с ней, но просто она не смогла настоять на этом в силу своей подавленности горем, а также в силу своей инфантильности и отношения к сыну как к брату, то есть равному, а в будущем как отцу – то есть старшему. Ее оставил муж, и теперь оставляет сын, не захотевший занять в будущем место ее мужа-отца. Несмотря на холодность матери, ее реакция на его отъезд была достаточно сильной для нее – по сути она сказала, отец его бы не отпустил, в этом присутствует явный упрек в неправильности его решения и ее намек на то, что он оставляет ее в беспомощном состоянии, в то время как она надеялась, что он в ближайшее время займет в доме место мужа-отца. Она дала ему большую сумму денег с собой, что также не говорит о безразличии, при том что он не нуждался в деньгах, поскольку ему была назначена стипендия и он ехал в приемную семью. Она не пошла провожать его на поезд, и в этом скорее кроется пассивное выражение обиды, а не безразличие. Если бы она была к нему безразлична, вряд ли она бы дала ему с собой достаточно большую сумму денег.

Оперативность Мустафы Саида

Недостаточное инвестирование со стороны матери обусловило определенную оперативность психического функционирования Мустафы Саида. Ребенок может полюбить себя только после того, как его полюбила

мать. Холодная мать Мустафы Саида, даже если и любила его, не могла дать ему этого ощущения, будучи патологически замороженной в непроработанном горе. Поэтому у него не сформировалось позитивной Я-репрезентации и психический аппарат не смог присвоить себе структуру опыта позитивных отношений с объектом. В результате такой оперативности Мустафа Саид был безразличен к боли, похвалам учителей и зависти одноклассников, избегал дружбы с учениками, в целом проявлял безразличность к происходящему и не испытывал чувства вины, что говорит о патологическом формировании его Суперэго еще в детстве: «Я и сам чувствовал, что я не такой, как мои сверстники. Я не плакал, когда мне доставалось от товарищей, был равнодушен к похвалам учителя – все то, чем обычно живут подростки, меня не слишком трогало. Я был как резиновый мячик: бросишь в воду – не утонет, ударишь о землю – подпрыгнет» (Салих, 2013, с. 48).

Позднее в подростковом периоде оперативность Мустафы Саида проявится и в первых любовных отношениях, о которых он выразился как о небольшом приключении, что совсем не было так для первой девушки в его жизни: «Одна знакомая пылко в меня влюбилась, а потом не менее пылко возненавидела. Она сказала мне однажды: Ты не человек, а машина какая-то» (Салих, 2013, с. 51).

Подводя итоги анализу детского развития Мустафы Саида, можно сделать вывод, что замороженность «вечно скорбящей» матери, вызванная смертью мужа, обусловила формирование у Мустафы Саида избегающей привязанности и оперативного психического функционирования. Избегающая привязанность с присутствием ей стремлением выжить в этом мире и пробить себе дорогу в лучшее будущее любой ценой и оперативное мышление, лишившее его эмпатии и понимания замороженных страданий матери, определяет самостоятельное решение тринадцатилетнего мальчика уехать из дома и не воспользоваться своей пассивной эдипальной победой (пассивной – поскольку у него не было образа отца и не сформировалось бессознательной идеи изгнания отца), которая давала возможность стать главным в доме отца, занять его место и стать фигурой отца-мужа для своей матери.

Пубертатный период Мустафы Саида

Пубертатным периодом Мустафы Саида мы будем условно считать время между его отъездом из дома в Каир в возрасте около 13 лет и его отбытием на учебу в Великобританию в возрасте около 17 лет. Этот период жизни Мустафы Саида, как мне кажется, отмечен двумя важнейшими процессами: реанимацией эдипова конфликта и развитием нарциссизма.

Реанимация непройденного эдипова конфликта

В 13 лет Мустафа Саид получает стипендию и отправляется в Каир для продолжения школьного обучения на более высокой ступени. Он попадает в радушную английскую семью Робинсон, которым на тот момент

около 30 лет. Они бездетны и принимают его как сына. У них он пробудет несколько лет, и затем его отправят продолжать образование в Великобританию.

Особое значение с тех пор в жизни Мустафы Саида приобретает миссис Робинсон. Миссис Робинсон стала для юноши замещающей материнской фигурой. Она была полной противоположностью его холодной матери, похожей скорее на сестру, не имеющей над ним власти и во многом безразличной к его судьбе. Мустафа Саид особо отмечает, что она встретила его на вокзале в Каире и провожала, когда он отплывал в Лондон, была рядом с ним во время вынесения приговора суда – то есть присутствовала во все важные поворотные моменты его жизни. В отличие от родной матери, имени которой мы не знаем, он всегда почтительно называет ее по имени – «миссис Робинсон». Он вспоминал, что никогда не встречал такой нежной женщины. Она испытывала к нему материнскую нежность и умело игнорировала его отношение к ней как к женщине. И действительно, Мустафа Саид не воспринимал ее как приемную мать, материнскую фигуру, а относился к ней как к красивой молодой женщине. В обычный период прохождения эдипова конфликта (3–5 лет) Мустафа Саид рос без отца и, по сути, занял его место и пользовался вместе с матерью капиталом и домом, который тот им оставил. Мустафа в возрасте 13 лет остается единственным мужчиной в доме со всеми последующими отцовскими правами, но поскольку он рос без отца и родственников мужского пола в своем доме с матерью, к которой не испытывал детского сексуального влечения в силу ее холодности, он так и не столкнулся с эдиповым конфликтом в возрасте до 13 лет. Он стал пассивным эдипальным победителем в силу обстоятельств, он не испытывал бессознательных стремлений занять место отца рядом с матерью, он преследовал задачу выжить, и эта детская задача после поступления в школу трансформировалась в стремление учиться: по его словам, он почувствовал себя стайером перед финишной прямой. Возможно, что также роль отца для Мустафы Саида сыграла школа как институциональная отцовская фигура, но не с точки зрения психосексуального развития, а с точки зрения фигуры отца как выражения закона общества. Можно также предположить, что у него были какие-то отцовские фигуры в лице школьных преподавателей или инспекторов, которые он мог взять за образец мужской модели поведения, но поскольку эти преподаватели не присутствовали в контексте отношений с матерью, эдипов конфликт у Мустафы не имел места до тех пор, пока он не оказался в семье Робинсон.

Пубертатный период, таким образом, вызвал у Мустафы реанимацию непройденного эдипова конфликта. В это время, с 13 до 16 лет, мальчик обретает новую семью. Семья Робинсон бездетна и полностью поглощена заботой мальчике. О мистере Робинсоне Мустафа Саид говорит всего несколько слов вскользь с уважением, но относится к нему достаточно спокойно, даже можно сказать нейтрально, скорее как к фону и точно не как к отцовской фигуре – и без восхищения, и без страха. В его словах нет упоминания, чтобы мистер Робинсон был строг с ним, или восхищения талантами и личностными качествами мистера Робинсона. Все внимание

Мустафы сосредотачивается на миссис Робинсон, которой он, без сомнения, был очарован. Он описывает свое сильнейшее сексуальное возбуждение в тот день, когда они познакомились: «...вдруг почувствовал, что меня обнимают женские руки и к моей щеке прикоснулись мягкие губы. Аромат, исходивший от этой незнакомой женщины, пьянил, от ее прикосновения у меня закружилась голова» (Салих, 2013, с. 50).

Он говорит, что никогда не встречал за всю свою жизнь столь ласковой женщины, как миссис Робинсон, что она была ласкова с ним и делала вид, что не замечает его отношения к ней как женщине, а не как к замещающей материнской фигуре. Важно отметить, что в период пребывания в приемной семье (с 13 до 16 лет) он выглядел и ощущал себя примерно на 4 года старше, был достаточно независим от семьи Робинсон в финансовом смысле, поскольку мать дала ему с собой деньги, и, кроме этого, он получал стипендию. Думаю, что Мустафа не испытывал кастрационного страха (страха наказания) перед мистером Робинсоном как отцовской фигурой, что характерно для нормального процесса протекания эдипова конфликта. В 16 лет Мустафа отправляется на учебу в университет в Лондон, а миссис Робинсон остается с мужем в Каире. Позднее, похоже, что она переезжает в Лондон одна, поскольку из косвенных упоминаний в тексте романа мы узнаем, что миссис Робинсон жила какое-то время в Лондоне, была знакома с женой Мустафы Саида, при этом не одобряя его выбора, то есть была в курсе его деловой и личной жизни. Можно предположить, что она жила в Лондоне достаточно долгое время одна без мужа, который работал в Каире, изучая египетские древности, и был там же и похоронен впоследствии. Позже она одна без мужа поддерживает его все дни во время суда до самого последнего момента оглашения судебного решения: «Он плакал у нее на груди, а она гладила его по голове, целовала в лоб и говорила: не плачь. Не надо плакать, милый мой мальчик» (Салих, 2013, с. 50). Сразу после суда она уехала из Лондона, не в силах оставаться там после произошедшего, что также говорит о том, что она жила в Лондоне для того, чтобы быть рядом с Мустафой. Когда умер Мустафа Саид, мужа миссис Робинсон тоже уже не было в живых. Она решает написать биографическую работу об их жизни: «Они оба были незаурядными людьми, каждый по-своему. Достоинство Рокки заключалось в умении принести счастье другим. У Мози был необыкновенный ум, но ему была свойственна необузданность, опрометчивость. Он не умел ни испытывать счастья, ни давать его другим» (Салих, 2013, с. 100).

То, что миссис Робинсон называет обоих ласковыми именами, образованными одинаковым словообразованием (Рокки – мужа и Мози – Мустафу Саида), на мой взгляд, является еще одним подтверждением, что для нее это два равнозначных мужчины – не муж и сын, а скорее первый и второй муж. Интересно также отметить, что миссис Робинсон хотела, чтобы Мустафа звал ее просто по имени – Элизабет, что может служить намеком на их обоюдную психическую инцестуозность – бессознательную с ее стороны и достаточно осознанную со стороны Мустафы Саида.

Очень показательна фотография, которую Мустафа хранил всю свою жизнь: на ней миссис Робинсон обнимает Мустафу, который стоит между

ней и мужем, а муж обнимает их вместе – на мой взгляд, еще одна наглядная демонстрация разделения Мустафой Саидом семейной пары Робинсон. Все вышесказанное показывает, что в каком-то смысле Мустафа Саид вытеснил мужа из жизни мисс Робинсон. Можно даже говорить о том, что Мустафа Саид во второй раз оказался в детоцентрической ситуации эдипального победителя. И если в первый раз победа была пассивной, борьбы за мать не было, поскольку отец погиб, а мать была холодной и несоблазнительной, то во второй раз эта победа была в достаточной степени активной и осознанной.

Развитие нарциссизма

Период учебы в Каире отмечен для Мустафы Саида продолжением успешной учебы, в которой он оказывается на голову выше всех своих соучеников. Им восхищаются учителя, ученики смотрят на него с завистью, он устремлен вперед, к учебе в Лондоне – столице колониальной метрополии. Можно предположить, что именно этот период был для Мустафы Саида самым счастливым, поскольку в это время он строил огромные планы на будущее, имел любящую семью, к которой пусть и не был привязан сам, но все же пользовался ее теплом и поддержкой, был на особом счету у англичан. Как вспоминал о нем позднее его одноклассник, «он был настоящим феноменом. ... Держался замкнуто и отчужденно, как будто смотрел на нас сверху вниз. Свободное время он проводил в одиночестве. Близких друзей у него не было... даже учителя говорили с ним не так, как с нами... Любимец англичан, говорили мы. Мы его прозвали "черным англичанином" ... ни у кого из нас не было сомнения, что Мустафа Саид непременно станет важной персоной» (Салих, 2013, с. 60–61).

Недавние психиатрические исследования демонстрируют, что избегающий стиль привязанности связан с открытым нарциссизмом или претенциозностью, которые выражаются самовосхвалением и отрицанием слабостей (Курсаков, 2012), поэтому постепенное развитие нарциссизма у Мустафы Саида на фоне его объективных успехов выглядит закономерным. Он действительно был лучшим и самым способным учеником в Каире, его первого отправляют учиться в Англию. Атмосфера всеобщего восхищения, признания его выдающихся способностей и пророчества ему блестящей карьеры стала для него привычной как воздух – он дышал ей, это стало его средой обитания, он не понимал, как может быть иначе. Он сам говорил, что ему часто помогали, но он не испытывал за это благодарности, считал это само собой разумеющимся атрибутом его избранности: «Не раз и не два случай или судьба сводили меня с людьми, которые брали меня за руку и помогали подняться с одной ступеньки на другую. Я принимал эту помощь как должное, как будто эти чужие люди были мне чем-то обязаны» (Салих, 2013, с. 49)

Покидая Египет для дальнейшей учебы в Лондоне, Мустафа Саид не жалеет о расставании с новой семьей, не испытывает сомнений и тревог по поводу своей адаптации на новом месте, он в силу своего уже сформировавшегося нарциссизма ожидает повторения привычного сценария своего

успеха (как в личной жизни, так и в карьере) на новом месте. Поэтому он не жалеет о расставании с семьей Робинсон: «...я был настолько поглощен собой, что не очень замечал, как Робинсоны меня любят... грусти я не испытывал. Я только мечтал поскорее добраться до Лондона, до следующей вершины, возвышающейся над Каиром... Стрела готова была лететь к неизвестным горизонтам...» (Салих, 2013, с. 51).

Взрослая жизнь Мустафы Саида в Англии

Британский период жизни Мустафы Саида связан с его продвижением в британском академическом обществе и одновременно катастрофическими событиями в его отношениях с британскими женщинами. На мой взгляд, кажущееся парадоксальным сочетание конструктивной линии поведения в академической среде и деструктивной линии поведения в отношении с британскими женщинами объясняется психической реакцией Мустафы Саида на столкновение с расизмом «принимающей группы» в терминологии Волкана (*Volkan*, 2018), что приводит сначала к идеям грандиозности и нарциссической ярости, а далее перерастает в психотическое расщепление его личности.

Столкновение с расизмом

В возрасте около 17 лет Мустафа Саид прибывает в Великобританию, заканчивает Оксфордский университет и благодаря своим уникальным способностям быстро достигает успехов в столичном академическом мире. В 24 года его приглашают в Лондонский университет читать лекции по политэкономии, а позднее он пишет ряд книг, посвященных экономическому развитию колониальной Африки.

Именно в этот период, приходящийся на 20-е годы XX века, Мустафа Саид сталкивается с непреодолимым для него расизмом британского общества. Конечно, он не был в изоляции от расизма, когда учился в суданской и каирской школах, но там британцы его выделяли и хвалили за отличный английский язык, продвигали вперед и пророчили большие жизненные успехи. На том этапе жизни Саида расизм не являлся ограничивающим фактором его продвижения в британском обществе. Его не интересовало отношение учителей и учеников, он надеялся не на отношения и связи, а только на силу своего интеллекта. В его успешной карьере было много людей, помогавших ему продвигаться все выше и выше, но он не испытывал к ним благодарности, принимая их помощь как само собой разумеющееся, как атрибут присущий своему высокому интеллекту. И все это работало до тех пор, пока он не попал в лондонское высшее общество, члены которого обладали не меньшими интеллектуальными способностями и потому уже не преклонялись перед достижениями Мустафы Саида, однако имели расистские предубеждения относительно продвижения африканца в высший свет британского общества. Получается, что, получив превосходное британское образование, впитав

в себя колониальную культуру и безупречно выучив язык, он все равно остается отторгнутым от британского общества.

Вот что говорил Саиду его профессор в Оксфордском университете: «Вы, мистер Саид, – лучшее доказательство того, насколько бесполезна наша цивилизаторская миссия в Африке. После всего, что мы сделали для вас, после всех тех поистине титанических усилий, которые мы приложили, чтобы дать вам образование, превратить в культурного, всесторонне развитого человека, вы ничуть не изменились, и можно подумать, будто вы лишь вчера спустились с дерева и покинули джунгли» (Салих, 2013, с. 77).

Другой из высокопоставленных знакомых Мустафы Саида, некто сэр Артур Хокинс, и вовсе не признавал его интеллектуальных достижений: «Вы, конечно, глупы и достаточно подлы. Но я ничего против вас не имею. Что поделаешь? Я и сам такой» (Салих, 2013, с. 78).

Расизм окружения настолько пропитал Мустафу Саида, что он усвоил себе навязанное ему представление «принимающей группы» о его дикости. В доказательство можно привести его описание знакомства с одной из британских женщин, где он говорит сам о себе, приписывая себе личность дикаря: «Наконец я ощутил, что для нее я уже не просто случайный знакомый, а личность, нагой дикарь с копьем в одной руке, с луком и стрелами – в другой, который – еще минута – уйдет охотиться на слонов и львов в дебрях тропического леса» (Салих, 2013, с. 55).

Формирование грандиозности

Мы видим, что в Англии Мустафа Саид сталкивается с непреодолимым расизмом столичного общества 1920-х годов, который проявляется в отношении к нему, несмотря на все его выдающиеся, даже по меркам британского общества, достижения. Он сталкивается с расизмом ежедневно и достигает потолка своего положения в обществе при безграничности своих амбиций. Ранее в Судане и Египте ему казалось, что нет неустранимых препятствий для его интеллекта. Но оказалось не так, как мечтали о нем его одноклассники. Они не знали его судьбы и слагали о нем мифы и легенды: «Английское министерство иностранных дел не раз использовало его для выполнения довольно сомнительных поручений на Ближнем Востоке. Сейчас он уже, наверно, давным-давно миллионер и живет, как лорд, в своем английском имении» (Салих, 2013, с. 62).

Его нарциссизм по инерции все еще продолжает активно развиваться, не замечая объективных ограничений со стороны расизма. В романе описывается архив его фотографий, где он запечатлел множество самых незначительных своих моментов жизни: он явно любит себя, все представляется ему важным: фото, где он просто смеется, на другом он купается, на третьем пишет за письменным столом, вот он за городом, а здесь он на рождественском празднике с короной (!) на голове. Нужно учитывать, что в 1920-е годы фотография была не так доступна, как сейчас, – похоже, что Мустафа Саид со всей серьезностью готовит

что-то вроде архива для потомков, которые захотят узнать обо всех подробностях его исключительной жизни.

Столкновение активно развивающегося нарциссизма с ограничениями расистского общества наносят Мустафе Саиду нарциссическую травму, поскольку в какой-то момент он все-таки приходит к ясному осознанию, что ему не добиться того положения, о котором он мечтал, возможно даже бессознательно, и которое было выражено в ожиданиях и мифах о нем его одноклассников. Вследствие получения нарциссической травмы у Мустафы Саида формируются защитные реакции по типу, который описывает Карл Белл в работе, посвященной связи расизма и нарциссического расстройства личности (*Bell, 1980*). В отношении пациентов, испытывающих на себе расистское отношение общества, Карл Белл, указывает, что у них есть несколько путей реагирования и психической адаптации к расизму. Находясь в уязвимой позиции, испытывая полное отсутствие сочувствия и принятия в расистском обществе, они, как правило, развивают деструктивную нарциссическую ярость и грандиозность. В редких случаях возможен благоприятный исход, когда для психологического выживания и интеграции психики индивид, испытывающий давление расистского общества, развивает в себе эмпатию, сострадание, мудрость и творческие способности. Развитие сочувствия, мудрости и творческих способностей в ответ на расизм «принимающей группы» у ряда одаренных афроамериканских музыкантов привело к зарождению музыки в стиле соул (*soul*).

Мустафа Саид, будучи в достаточно высокой степени оператуарным и не способным к эмпатии, опирающийся на свой мозг, острый, как нож, по его собственному выражению, не смог выработать положительную реакцию (впрочем, статистически крайне редко встречающуюся) на расизм принимающей группы и отреагировал в двух других формах – деструктивной нарциссической ярости и грандиозности. Столкнувшись с расистским неприятием себя, он противопоставляет западный и восточный миры друг другу. В этот период он пишет посвящение в своем автобиографическом дневнике: «Единомышленникам, тем, кто говорит только на одном языке и видит вещи либо черными, либо белыми, либо восточными, либо западными» (Салих, 2013, с. 101).

Нарциссическая грандиозность приводит его к идее борьбы с колониальной несправедливостью. Он описывает свое состояние в дневниковых заметках: «До тех пор пока слабые и немощные не получают землю, покуда не распустят по домам миллионные армии, я не в силах быть оптимистом. И лишь когда, задыхаясь от усталости и спотыкаясь, я добреду наконец до самой вершины горы и водружу на ней боевой стяг, а затем, переведя дух, приду в себя и соберусь с силами, – лишь тогда, дорогая, для меня наступит момент истины, и я испытаю, что значит быть пьяным от любви и счастья» (Салих, 2013, с. 56). Он участвует в Ассоциации по борьбе за освобождение Африки и говорит в своем ближнем круге, что освободит Африку с помощью своего пениса, подразумевая под этим свои возможности влюблять женщин и манипулировать ими.

Становится ясно, что, будучи лишен возможности попасть в ряды высшего британского общества на равных, Мустафа Саид получает нарциссическую рану и формирует у себя в качестве психической защиты грандиозность, видя в себе борца с колониальным британским режимом. Кроме этого, у него формируется и вторая психическая реакция, описанная Карлом Беллом, а именно нарциссическая ярость, направленная на мщение колониальному обществу.

Нарциссическая ярость к британским женщинам

Нарциссическая ярость отверженного Мустафы Саида искала объект приложения для мести британскому обществу и требовала своего выражения в реальности, а не только в метафорических описаниях водружения боевого стяга на вершине горы. Мустафа Саид проявлял себя в обществе в двух ипостасях: как светский ловелас и как академический ученый. Сфера политики, где могли бы проявиться в полной мере его эмоции ярости, была для него закрыта, как и вход в высшее общество, мы даже не знаем, имел ли он британское гражданство. В академической среде эмоции имеют, как правило, мало места, поэтому единственным направлением, куда мог быть выпущен пар его ненависти к белому обществу, стали женщины, которые представлялись для него достаточно легкой добычей. Наверное, можно даже сказать, что женщины стали объектом для приложения нарциссической ярости по принципу максимальной психической экономии.

Еще одной причиной выбора британских женщин в качестве мишени для нарциссической ярости мне представляется следующее: поскольку Мустафа Саид не прошел эдипов конфликт, выйдя из него по сути эдипальным победителем, он не вынес представление о семье как о стремлении к сексуальной близости с матерью, смещенной в будущее, на другую женщину – на то время, когда он сможет найти кого-то похожего на мать. Он использует женщин для удовлетворения извращенного нарциссического наслаждения, влюбляя их, обещая жениться и бросая, переходя от одной к другой или даже имея параллельно отношения сразу с несколькими женщинами.

В отношении британских женщин Саид проецирует расовую ненависть, от которой страдает сам. Агрессивно обращаясь с ними, он не обращает внимания на их чувства. Он не сочувствует им, хотя три из них кончают жизнь самоубийством после того, как он расстается с ними. В возрасте 24 лет, как раз когда он начал читать лекции в Лондонском университете, он имел одновременно связь с пятью женщинами, что не мешало ему заниматься научной деятельностью. Очевидно, что в эти отношения он выливал весь негатив, который не мог обратить в сторону академической среды, которая обеспечивала его материальное существование.

В романе упоминаются три женщины, пострадавшие от нарциссической ярости Мустафы Саида в его возрасте от 25 до 30 лет. С каждой из них он общался под вымышленным именем, на каждой обещал жениться и влюблял в себя, каждой был неверен либо бросил, в результате чего все

они покончили жизнь самоубийством. Их звали Изабелла Сеймур, Шейла Гринвуд и Энн Химменд. С Изабеллой Сеймур Мустафа Саид, мне представляется, реализовал фантазии о сексуальной связи с миссис Робинсон. При первой встрече с Изабеллой от нее веял аромат, который исходил от миссис Робинсон, когда она первый раз встретила его на платформе вокзала в Каире. Эта женщина была старше Мустафы на 15 лет, то есть примерно того же возраста, что и миссис Робинсон. Более того, она была примерно такой же комплекции и имела схожий темперамент. С ней его отношения были наиболее мягкими – она совершила самоубийство, но причиной была смертельная форма рака. Ее муж описан как достойный благородный человек, выступивший на стороне защиты Мустафы Саида, и, мне кажется, он выступает в романе аллегорией мистера Робинсона. Две другие девушки стали игрушками в его руках, он сознательно соблазнил и бросил их, чтобы причинить им страдание.

Я не склонен соглашаться с Тайибом Салихом, что Мустафа Саид жестоким обращением с женщинами мстит колониальному обществу. Думаю, что британские женщины стали тем коллективным объектом, на который он мог удобно и в достаточной степени безнаказанно излить свою нарциссическую ярость, подобно тому как грозовая молния ударяет в наиболее близкий к ней объект. Уже впоследствии этому действию Мустафа Саид приписал рациональное объяснение в рамках грандиозной идеи борьбы с колониализмом. Возможно, допустить еще и мотив бессознательной мести матери за ее холодность и за потерю отца (пусть и не по ее вине), принятие которого он не получил в детстве, а второй раз не получает его в Англии от метафорической отцовской фигуры британского общества. Можно также заметить, что все три пострадавшие женщины появились в результате случайного знакомства, были не похожи друг на друга и не все из них относились к высшему классу британской колониальной империи, которому якобы мстил Мустафа Саид.

Психотический регресс Мустафы Саида: убийство британской жены

В отношениях с британскими любовницами Мустафа Саид одержал «победу», но его жена оказалась еще более сильным нарциссом, и в отношениях с ней нарциссическая ярость Мустафы Саида наткнулась на непреодолимое препятствие, что приводит его к психотическому регрессу.

Роковая женщина в судьбе Мустафы Саида – Джейн Моррис – единственная не поддавалась его нарциссическому обаянию и тем самым затруднила реализацию его нарциссической ярости. Встретившись с ним в первый раз, она смерила его взглядом и отвернулась. Второй раз при знакомстве с ним она сказала, что она ни разу в жизни не видела такой некрасивой физиономии, после чего Мустафа Саид поклялся отомстить ей. Он добивался ее руки три года и в возрасте около 35 лет женился на ней. Женившись на ней, он так и не смог влюбить ее в себя и подчинить себе. При этом она отказывала ему в близости несколько недель в их медовый месяц, флиртовала с мужчинами у него на глазах, изменяла ему, не

скрывая этого, уничтожала в приступах гнева его ценные арабские рукописи и предметы искусства, провоцировала его убить ее и дразнила его как неспособного на этот «мужской поступок». Их дом и спальня были полем битвы двух нарциссических личностей, и Мустафа Саид явно не был победителем. По его собственным словам, он превратился из охотника в добычу.

Таким образом, Мустафа Саид получает вторую нарциссическую травму от жены во время своего пребывания в Англии. (Первая травма была по причине, что он не смог влюбить в себя британское высшее общество, и оно его отвергло, то есть не были приняты его интеллект и все его заслуги). Вторая травма произошла потому, что его нарциссическая ярость, проявлявшаяся через обольщение и обесценивание женщин, споткнулась о непреодолимое препятствие – он не смог влюбить в себя и подчинить себе свою жену Джейн Моррис, в то время как он относился к женщинам как к собственности и добыче. Мало того, он был влюблен в нее сам, насколько это возможно для нарцисса. В этом случае была отвергнута его мужская составляющая, мужская привлекательность Убийство жены, думаю, совпадает с тем моментом, когда он окончательно понял невозможность пробиться дальше, это был момент его максимальной нарциссической ярости по отношению к британскому обществу. И здесь еще он получил нарциссическую рану как мужчина, чего раньше с ним не случилось. Две нарциссические травмы сняли оперативную защиту от психоза и привели его психику к расщеплению. Сцена убийства описана хладнокровно и отчужденно, и это может ввести в заблуждение, если не обратить внимание, что в самом начале Мустафа указывает на расщепленность своего «Я» в момент убийства: «Мое сердце устремилось к ней, едва я ее увидел, но внутри словно забушевало адское пламя» (Салих, 2013, с. 105).

Далее Мустафа Саид описывает, как именно произошло убийство: он заносит нож, Джейн Моррис просит, чтобы он ее ударил ножом, он вонзает кинжал ей в сердце, она благодарит его за убийство, говоря, что она его любит, а потом призывает его уйти из жизни вместе с ней. Он тоже признается ей в любви, но не убивает себя. На мгновение весь мир и все течение времени замирают и концентрируются в этой точке бытия. А после этого был суд, на котором расщепление психики достигает апогея: «Много долгих дней провел я в огромном лондонском зале суда. Я слушал, что говорят обо мне обвинитель и адвокаты, но мне казалось, что речь идет о постороннем человеке, дела которого меня совершенно не интересуют» (Салих, 2013, с. 52). Он чувствовал себя как живой труп, находился в состоянии транса, думал, что он выдумка и что он не существует. Характерно, что при этом на суде Мустафа Саид не испытывает чувства вины. После вынесения приговора он плачет, и его утешает миссис Робинсон. И он плачет над крушением своих надежд, он не сожалеет о смерти Джейн Моррис и других жертв своего нарциссического мщения, как он думает, колониальному обществу. А сейчас на суде он скорее в ярости, потому что ему приходится участвовать в процессе, который он считает фарсом.

Он подробно описывает свои мысли во время суда, в которых он оправдывает свои деяния, считая себя мстителем, возвращающим европейцам тот яд, который они принесли на суданскую землю: «Впервые пароходы поплыли по Нилу, везя на своих палубах не хлеб, а пушки. А железные дороги? Их проводили для переброски солдат. Школы строились, чтобы учить говорить "да" на их языке. Они занесли к нам заразу насилия особого сорта, европейского, – ничего подобного наш мир прежде не знал. С ними пришла эпидемия той губительной болезни, которая самих европейцев поразила не одну тысячу лет назад. Да, господа, да! Я капля того яда, который вы своей собственной рукой впрыснули в кровеносные сосуды истории» (Салих, 2013, с. 78).

Подводя итоги размышлениям о психотическом эпизоде убийства Джейн Моррис, хочется обратить внимание на бросающееся в глаза противоречие в рассказе Мустафы Саида: с одной стороны, он говорит, что он не Отелло, а мститель, с другой стороны – история убийства Джейн Моррис имеет явные аллюзии на сюжет шекспировской трагедии «Отелло». Это наталкивает на мысль, что рассказ о том, как происходило убийство, мог быть полностью или отчасти плодом психотического воображения Мустафы Саида, поскольку нет причин, объясняющих резкое изменение в поведении Джейн Моррис. Возможно, убийство по описанному Мустафой Саидом сюжету является пусть и не образцовой нарциссической победой для Мустафы Саида, как самоубийство трех женщин ранее, но все-таки это уже не убийство от бессилия перед более сильным нарциссом, а убийство по его просьбе, все-таки представляющее частичную нарциссическую победу.

С другой стороны, можно рассматривать этот психотический эпизод убийства британской жены как метафору амбивалентности Мустафы Саида к британской колониальной культуре, которую он страстно любил, но не мог ею обладать, не был ею признан, она отталкивала его, изменяла ему, считала его ниже себя, чувствовала над ним превосходство и свою неуязвимость, поэтому провоцировала его на убийство, чтобы доказать ему, представителю арабской культуры, его слабость, импотентность. Именно поэтому убийство произошло с помощью ножа – фаллического символа экспансии: экспансия арабской культуры в ответ на экспансию британской колониальной культуры. В пользу этого объяснения говорит тот факт, что Джейн Моррис (как метафора британской культуры) в ссорах уничтожала в квартире Мустафы Саида драгоценные рукописи и редкие предметы искусства исключительно арабского происхождения. Убитая им жена олицетворяет британскую культуру, которую он очень любил и от которой не мог отказаться. Отношения Саида и жены – метафора отношений британской и арабской культур внутри Мустафы Саида. Убив жену, он убивает в себе британскую культуру, не будучи в силах стать бикультурным, погрузиться в обе культуры и впитать их в себя, став «гибридным» иммигрантом в терминологии Салмана Ахтара (*Akhtar*, 1995).

Суд присуждает Мустафе Саиду семилетний срок наказания. Столь малый срок за убийство объясняется тем, что к Мустафе Саиду отнеслись

как к дикарю, пусть и образованному, и при вынесении приговора была сделана поправка на культурные различия. Как и где прошли его семь лет отбывания наказания, мы не знаем. В романе есть только одна фраза, где говорится, что после заключения он некоторое время поездил по миру – был в Париже, Копенгагене, Дели, Бангкоке – и лишь после этого вернулся в Судан и нашел себе пристанище в небольшой деревне на берегу Нила.

Заключительный период жизни Мустафы Саида в суданской деревне

После выхода из тюрьмы жизни Мустафа Саид, которому на тот момент примерно около 45 лет, похоже, полностью пересматривает свою жизнь и понимает, что его миграция, можно даже сказать паломничество, на Север для поклонения и приобщения к британской колониальной культуре не достигла своих целей, его мечты были разбиты. Он полностью меняет вектор движения и устремляется к своим корням на родину. Поселившись в этой деревне, он берет себе в жены местную девушку, у них рождаются дети, никто в деревне не знает о его прошлом, казалось бы, он полностью влился в местную жизнь.

Психотический регресс в результате приступа сильнейшей нарциссической ярости закончился в период его пребывания в тюрьме, и он испытывает горе по несбывшейся мечте. Работа горя Мустафы Саида в период его жизни в суданской деревне не была завершена, о чем говорит обустроенная в его доме специальная комната с железной дверью, в которой хранятся как реликвии его книги, фотографии и мебель, привезенные из Англии. Каждый вечер, проведя день в поле за работой в деревне, со своей женой и детьми, он запирается в этой комнате и проводит там несколько часов. По ночам его суданская жена слышит, как он произносит во сне имя Джейн и говорит что-то на неизвестном ей языке.

Комната с железной дверью представляет собой классический «связывающий объект», присущий «вечно скорбящим», описанный Вамиком Волканом. (*Volkan, 1999*) Многолетние скорбящие переживают свой траур, не доводя его до практического завершения и не развивая депрессию. Комната с железной дверью бессознательно связывает ментальные репрезентации потерянных людей и вещей с соответствующими саморепрезентациями скорбящего Мустафы Саида, становится психологической площадкой для его встречи с потерянными людьми или материальными объектами в Великобритании. Комната контролирует аффекты Мустафы Саида, относящиеся к желанию вернуть некоторые элементы, оставленные позади, и другие аффекты, связанные с его другим желанием – полностью попрощаться со своими потерями и несбывшимися надеждами в Англии. Таким образом, Мустафа Саид замораживает ситуацию и избегает психологических последствий, если любое из этих двух желаний выполняется. Он остается как бы одной ногой в Англии, каждый вечер возвращаясь туда и сидя часами в этой комнате. Поскольку связывающий объект, в данном случае комната, является внешним объектом

по отношению к Мустафе Саиду, оплакивание потери несбывшихся надежд также выносится вовне. Таким образом, он находит способ уйти от чувства болезненной борьбы внутри себя. Но при этом процесс оплакивания становится бесконечным из-за страха конфликта отношений с образами того, что было оставлено позади, и новыми образами, с которыми он сталкивается на родине, в суданской деревне.

Примерно через пять лет после его жизни в Судане он приводит все дела в порядок, дает распоряжения жене, что делать в случае его смерти, и через некоторое время в период разлива Нила уходит плавать, после чего пропадает, похоже, утонув в Ниле. Думаю, что причиной его суицида стала встреча в деревне с представителем нового поколения суданской иммиграции, молодого человека в возрасте около 25 лет, от лица которого идет вторая линия повествования в романе. Мустафа Саид сталкивается с опасностью раскрытия своего прошлого перед жителями деревни, поскольку молодой человек обратил внимание как он, будучи сильно пьяным, декламировал английские стихи с идеальным произношением. Мустафа Саид попадает в положение, вынуждающее его рассказать свою историю этому молодому человеку, для того чтобы не быть подвергнутым различным подозрениям в деревне. Это приводит его к дилемме: он рассказывает свое прошлое, в результате которого становится чужаком в деревне, либо он ничего не рассказывает, но всплывшие подозрения рождают фантазии деревенских жителей, и он также становится отверженным. По сути, он столкнулся с ситуацией, когда любое из двух возможных действий приведет его к отторжению из этого общества, подобно произошедшему в Лондоне. Думаю, эта дилемма вызвала у него психотическое решение: единственно возможным способом избежать повторения нарциссической боли, пережитой в Англии, но уже на родине, является самоубийство. Не случайно в своем завещании он просит молодого иммигранта позаботиться о его детях и оградить их от заразы тяги к перемене мест, которой этот молодой человек, по его мнению, смог избежать. Мустафа Саид считал причиной своей неудачной жизни иммиграцию и, поскольку потратил многие годы на пустую идею и не мог ничего уже изменить в своей жизни (как ему казалось), хотел уберечь своих детей от повторения его ошибок.

В последний период жизни Мустафы Саид идентифицирует себя с образом простого суданского деревенского жителя, стараясь, чтобы жители деревни не узнали о его прошлом. Столкновение с молодым иммигрантом и необходимость раскрыть свое прошлое нарушают его текущую идентификацию, вскрывает его горе (работа горя не была проведена в силу использования комнаты с железной дверью в качестве «связывающего объекта», в терминологии Волкана) и приводит к психотическому состоянию и патогенному магическому мышлению: «В моих ушах все время настойчиво и неотвратимо звучит далекий, могучий зов. Мне казалось, что моя жизнь здесь, в этой деревне, наконец, моя женитьба заставят его умолкнуть. Но нет! Вполне возможно, что это лишь плод моего воображения. Или такова моя судьба? Не знаю и ничего не могу понять» (Салих, 2013, с. 66). Руководствуясь этим «зовом», Мустафа Саид делает

последние распоряжения и совершает самоубийство в Ниле. Он выбирает суицид, как мне кажется, чтобы не испытывать повторной нарциссической боли отвержения и крушения надежд уже на родине, в суданской деревне, среди людей, которых он явно считал ниже себя.

Действительно ли Мустафа Саид мстил британским колониалистам?

Проведенный анализ показывает, что Мустафа Саид имел слабый уровень эмпатии и отчасти оператуарное функционирование вследствие отсутствия «достаточно хорошей матери». В описаниях своего детства Мустафа Саид не упоминает каких-либо случаев жестокости со стороны британцев, которые бы произвели на него неизгладимое впечатление. Напротив, он описывает себя как безразличного и незмпатичного ребенка. В пубертатный период он демонстрирует одно лишь стремление к учебе, которое обеспечит ему входной билет в высшее британское общество, и не вынашивает каких-либо идей восстановления социальной справедливости. Идея мести британскому колониализму появляется у Мустафы Саида уже после того, как, испытав на себе расизм «принимающей группы», он получает нарциссическую травму и формирует у себя в качестве психической реакции и защиты от травмы идею своей грандиозности, видя в себе борца с колониальным британским режимом. Кроме этого, у него формируется психическая реакция нарциссической ярости мщения отвергнувшему его обществу.

Нарциссическая ярость отверженного Мустафы Саида должна была выплеснуться вовне на реальный объект – не только в виде его текстов в дневниках, где он описывал водружение боевого знамени своей мести на завоеванной или отвоеванной им вершине. Как было показано выше, единственным направлением, куда мог быть выпущен пар его ненависти к обществу, стали британские женщины, которые представлялись для него достаточно легкой добычей. В любом случае, независимо от того, какие из возможных причин послужили выбором в качестве объекта ярости британских женщин, этот выбор был бессознательным и не был основан на идее сопереживания страданиям суданского народа. Мнимое сознательное обоснование этого выбора Мустафой Саидом при внимательном рассмотрении оказывается интеллектуализацией, прикрывающей бессознательный процесс. Поэтому я не могу согласиться с мнением автора, вынесенным в эпиграф, что Мустафа Саид жестоким обращением с женщинами мстит колониальному обществу за изнасилование Африки. Британские женщины стали для него самым простым и удобным бессознательно выбранным коллективным объектом, на который он мог без ущерба для себя излить нарциссическую ярость. И уже затем Мустафа Саид использует психическую защиту в виде бессознательной интеллектуализации и рационализации, объясняющую ему самому, почему он, как бушующее море, разбивает в щепки судьбы этих женщин. Кроме того, у него присутствовала вторичная выгода, поскольку эти женщины не только служили объектом для сброса

ялости, но и параллельно подпитывали его нарциссизм, будучи в восхищении от него.

Таким образом, мы приходим к выводу, что, если бы эмиграция Мустафы Саида в Великобританию сложилась бы для него более благоприятно или если бы его нарциссические ожидания не были бы столь высоки, то в этом случае он не стал бы демонстрировать агрессивное поведение в отношении британских женщин, поскольку не имел бы нарциссической раны.

Является ли Мустафа Саид отщепленной «плохой частью» Тайиба Салиха?

Ниже приведены две цитаты из интервью писателя, указывающие на то, что писатель проецирует свой внутренний бессознательный мир в литературные произведения и при этом отрицает связь этих проекций со своей личностью.

1) «Да, я женат. Моя жена шотландка. У нас трое дочерей. Почему людей так волнует личная жизнь писателя? Это не имеет значения! Это может быть важно при определенных обстоятельствах, но в большинстве случаев излишний интерес к писателю или художнику мешает читателю понять произведения искусства» (*Salih*, 1982, p. 12).

2) «Есть писатели, чей опыт превращается в длительные и сложные процессы, которые приводят к тому, что можно назвать сном. Я жду, пока не забуду личный опыт, пока он не превратится в моем сознании в сон до такой степени, что я не смогу сказать, является ли этот персонаж или это событие производным от реальной личности или события» (*Salih*, 1982, p. 3).

Учитывая стойкое отрицание Тайибом Салихом обоснованности интереса к личной жизни писателя, при том что писатель сам говорит об использовании своего бессознательного как инструмента творчества, думаю, стоит уделить этому внимание и попытаться провести психоаналитические раскопки произведения «Сезон паломничества на Север» на один уровень глубже. Ведь роман действительно наполнен многочисленными проекциями бессознательного писателя. Салих не отталкивается от конкретной истории или идеи, которую он хочет вложить в свое произведение, а проецирует свой внутренний бессознательный мир в мир художественного произведения.

Важно отметить, что Тайиб Салих в своем романе описывает историю Мустафы Саида через восприятие и поток сознания молодого иммигранта (в возрасте около 25 лет), изучавшего семь лет британскую поэзию в Англии и вернувшегося домой в родную деревню. Молодой иммигрант встречает Мустафу Саида, возраст которого на тот момент составляет около 50 лет. Получается, что встреча рассказчика и Мустафы Саида происходит примерно в 1950-е годы, в то время, когда Судан подготавливали к освобождению от колониального господства Великобритании. Возраст молодого рассказчика приблизительно равен возрасту писателя Тайиба Салиха, родившегося в 1928 году, и, на мой взгляд, писатель через этого

молодого рассказчика выражает свое сознательное и бессознательное отношение к Мустафе Саиду как представителю прошлого, травмированного колонизацией поколения.

Анализ доступной информации о биографии писателя и издание переведенных на английский язык его интервью арабским медиа (*Salih, 1982*) позволяет проанализировать наличие параллелей между биографией писателя и двух основных действующих лиц романа: героя его романа Мустафы Саида и безымянного рассказчика, молодого саудовско-го иммигранта, вернувшегося в свою родную деревню.

В одном из интервью Салих дает довольно скудную информацию о своем детстве. Он родился в 1929 году и жил в деревне Аль Дебба в центральной области Судана до десятилетнего возраста. Его отец был фермером и торговцем. В возрасте 10 лет Салих (как и его герой Мустафа Саид) посещает начальную религиозную школу, где занимается в основном изучением Корана. По его словам, там он получил свою идентификацию и сохранил ее на всю жизнь, считая себя верующим в Бога мусульманином. Уже в зрелом возрасте он говорил, что ощущает себя живущим в деревне до сих пор и что его корни находятся там. Здесь мы видим отличие от Мустафы Саида, который вернулся в чужую, а не свою деревню. С другой стороны, обнаруживаем сходство с молодым героем романа, вернувшимся в родную деревню.

На протяжении жизни Салих не прерывает связи с Суданом и посещает свою деревню каждый раз, когда приезжает в Судан – практически ежегодно на протяжении всей жизни. Название деревни Аль Дебба означает холм, и Салих говорил, что всю свою жизнь он занимается исследованием и раскопками своей идентичности в своих художественных произведениях. Для Салиха история Судана сосредоточена в этой области. Судан был под властью фараонов, затем был языческим, после этого христианским и затем стал мусульманским. Салих говорил, что его интересует исследование коллективного бессознательного суданского народа, поскольку без этого он не может понять свою собственную идентичность. Он поясняет свою мысль, говоря, что мы можем утверждать, что мы одно, но социологически или исторически мы можем быть чем-то другим. Это понимание пришло к нему благодаря тому, что он вырос в этой деревне, расположенной на пересечении торговых путей и образованной путем наслоения исторических слоев различных этносов (арабы, нубийцы, бедуины, европейские колонизаторы) и религий (древнеегипетской, языческой, христианской и мусульманской), и он чувствует себя очень обязанным своему детству в этой деревне. Из этих высказываний писателя можно сделать вывод, что сохранение своих корней и стремление к их глубокому постижению позволили писателю развить в себе бикультурализм, являющийся главным условием успешной адаптации иммигранта.

После окончания начальной школы в возрасте 15 лет он учится в колледже в столице Судана Хартуме, затем в Хартумском университете. В 1952 году Египет разрывает с Великобританией соглашение о совместном управлении Суданом и признает право Судана на независимость. Судан находится в периоде перехода к самоуправлению, и на волне этого

движения в рамках программы подготовки новых управленческих кадров Салих уезжает в 1952 году в возрасте 23 лет в Великобританию, где изучает политологию в Университете Лондона в составе группы одаренных суданских студентов. Здесь, конечно же, видна параллель и с Мустафой Саидом, и с молодым безымянным иммигрантом.

В 1956 году Судан обретает независимость от Англии, Салих остается жить в Лондоне, подобно Мустафе Саиду. Далее подробная его биография неизвестна. Мне удалось найти только, что он поселился на юго-западе Лондона, работал журналистом в арабской редакции ВВС в Лондоне, был руководителем драмредакции ВВС. В 1965 году в возрасте 36 лет он женится (примерно совпадает с возрастом женитьбы Мустафы Саида) на британке Джулии Маклин, от которой у него родилось трое дочерей и с которой он прожил в браке до конца жизни. Незадолго до своей свадьбы он публикует повесть под названием «Свадьба Зейна», в которой описывает деревенского суданского простачка-юродивого, которому благодаря доброму сердцу удалось жениться на первой красавице деревни.

В 1966 году, через год после женитьбы, он публикует роман «Сезон паломничества на Север». И хотя литературное творчество Салиха было ограниченным, его создание мифической деревни Вад Хамид на севере Судана, прообразом которой была, несомненно, его родная деревня, сделало его главным романистом в арабской литературе. Чуть позже он пишет свой последний роман («Бендер Шах»), после чего его интерес к писательству ослабевает. Он делает карьеру, став министром информации в Катаре, работает представителем стран Персидского залива в ЮНЕСКО. Представляется, что именно о такой карьере мечтал Мустафа Саид. На протяжении всей жизни Салих ежегодно посещает свою родную деревню подобно молодому иммигранту – второму герою романа. В браке, продлившемся всю жизнь, рождается три дочери. Можно даже сказать, что три дочери Салиха метафорически воскрешают трех погибших любовниц Мустафы Саида.

Тайиб Салих умер 18 февраля 2009 года в возрасте 80 лет в Лондоне, тело его было доставлено самолетом в Судан, где он был торжественно похоронен на кладбище Аль-Бакри в Омдурмане в присутствии президента Судана и многочисленных представителей политической и культурной элиты страны. Выбор места захоронения писателя в Омдурмане представляется очень символическим и далеко не случайным. Он похоронен не в деревне, в которой родился, не в столице Судана городе Хартуме – где он учился позднее, не в Лондоне, где он провел большую свою часть жизни и где живут пережившие его жена и дети, а в Омдурмане – городе-символе «избранной коллективной травмы» суданского народа. Возможно, слава народного суданского писателя, похороненного в Омдурмане, признанного во всем мире арабского интеллектуала, призвана вылечить коллективную травму суданского народа от поражения при Омдурмане, символизируя свержение британского культурного превосходства. Исследователи творчества Салиха проводят параллели между ним и Джойсом. Они указывают, что произведения Джойса можно рассматривать как доказательство того, что обычный ирландский писатель

может создать художественное произведение не менее сложное, чем тексты Шекспира, опровергая колониальные стереотипы об отсталости ирландской культуры. Также и произведения Салиха демонстрируют силу арабской литературы и доказывают, что разрыв между арабской и западноевропейской культурой значительно меньше, чем хотели бы себе представлять апологеты, оправдывающие колонизацию африканских стран повышением их культурного уровня. (*Isra Daraiseh et. al.*, 2018).

С этим мнением также перекликаются идеи Салиха о высокой мировой ценности арабской культуры, которые он высказал в одном из своих интервью: «Честно говоря, роман – одно из самых успешных произведений в арабском мире. В этой области арабы многого достигли. Правда, роман зародился в Европе: Толстой, Диккенс, Джордж Элиот. Но что с того! Это вовсе не означает, что они мастера этого вида искусства. На самом деле я считаю, что величайшие романы написаны не на Западе, а в Латинской Америке и Японии. А арабские романы не хуже этих» (*Salih*, 1982, p. 8.).

В романе повествование идет от двух лиц, которые не понимают друг друга и мыслят по-разному. Говоря о технике повествования, в романе Салих указывал в одном из интервью, что специально рассказывает историю Мустафы Саида как от лица главного героя, так и через рассказчика – молодого иммигранта. По его словам, он сделал это для того, чтобы читатель не искал автора в романе и разрывался между двумя противоречащими друг другу голосами. Действительно, в романе для каждого утверждения есть противоположное утверждение, в результате чего весь мир становится нестабильным и изменчивым, а читатель вынужден участвовать в процессе творчества, являясь как бы соавтором произведения через свое восприятие текста произведения. Интересно, что даже конец романа оставляет читателю место для выбора – мы так точно и не уверены, покончил ли Мустафа Саид с собой, утонув в Ниле, или он ушел из деревни, боясь разоблачения, и начал жизнь с нуля в новом месте.

Повествование от двух лиц в романе можно рассматривать на двух уровнях глубины. На первом, идейном уровне, мне кажется, имеет место противопоставление старого, травмированного колонизацией поколения и черно-белого восприятия в лице Мустафы Саида и нового молодого бикультурного поколения, которое воспринимает плюсы и минусы каждой из культур, является «гибридным» в плане своей идентификации, если пользоваться терминологию Салмана Ахтара. Думаю, что Салих не случайно оставил молодого иммигранта-рассказчика без имени и подробностей биографии, которыми он столь щедро наделил других, даже второстепенных персонажей. Думаю, автор хотел показать, что этот молодой рассказчик представляет собой целое поколение людей, подобно ему, автору романа, преодолевших коллективную травму колониализма. Мустафе Саиду были присущи предрассудки как в отношении себя, так и европейцев. Арабы представляли европейцев сексуально слабыми, а европейцы навязали арабам свое представление о них как безответственных и гиперсексуальных, инкорпорация которого показана автором в образе Мустафы Саида. Тайиб Салих же, как представитель молодого поколения, посвятил свое творчество искоренению этих предрассудков. И тогда

получается, что вся жизнь и даже похороны Тайиба Салиха в Омдурмане представляют собой реванш Салиха над англичанами тоже в битве, но уже культурной.

На втором, более глубоком уровне – уровне проекций бессознательно-го автора, представляется, что мы имеем дело с расщеплением Тайиба Салиха на «плохую часть» в лице Мустафы Саида и «хорошую часть» в лице молодого безымянного рассказчика. Англия в 1950-е годы, когда туда приехал на учебу Салих, тоже была во многом расистской и не отличалась высокой толерантностью. Нет ни малейших сомнений, что Салих сталкивался в своей жизни с вызовами расизма, подобными тем, с которыми столкнулся Мустафа Саид в его романе. Писатель разместил свои бессознательные деструктивные желания в образе героя романа. Мустафа Саид погиб, не смог адаптироваться в иммиграции в Лондоне и даже потом, вернувшись на родину, тоже не прижился и покончил жизнь самоубийством. Сам же Салих очень удачно адаптировался в иммиграции: закончил Лондонский университет, женился на британке (за год до публикации романа), жил в Лондоне, был руководителем драмредакции BBC, работал министром информации Катара, представителем арабских стран в ЮНЕСКО, при этом навещал свою деревню почти каждый год на протяжении всей жизни, то есть был абсолютно бикультурным.

Подводя итоги, мы приходим к двум выводам:

1. Если подходить к анализу динамики внутриспсихических конфликтов Мустафы Саида, не принимая в расчет личность писателя, можно сделать вывод о том, что агрессивное поведение Мустафы Саида с британскими женщинами является следствием полученной нарциссической раны отвержения расистским британским обществом. Нарциссическая рана вызывает психическую защиту в виде нарциссической ярости, которая по принципу максимальной психической экономии канализируется в направлении британских женщин. И уже впоследствии этому действию Мустафой Саидом приписывается рациональное объяснение в рамках грандиозной нарциссической идеи борьбы с колониальным обществом, которое до этого отвергло его притязания занять в нем высокое положение. Таким образом, если бы эмиграция Мустафы Саида в Великобританию сложилась бы для него более благоприятно или если бы его нарциссические ожидания не были бы столь высоки, то в этом случае он не стал бы демонстрировать агрессивное поведение в отношении британских женщин, поскольку не имел бы нарциссической раны.

2. Если учитывать личность писателя и обстоятельства его личной истории, можно сделать вывод о том, что Мустафа Саид является отщепленной «плохой частью» автора, в которой Тайиб Салих разместил свои деструктивные бессознательные желания, испытываемые им в период жизни в Лондоне во время написания романа. «Хорошая часть» писателя была размещена во втором главном герое – молодом иммигранте. Получается, что автор бессознательно занимался самотерапией в своих произведениях, что позволило ему стать бикультурным и хорошо адаптироваться в иммиграции в Англии.

Завершая статью, остается лишь задать риторический вопрос: смог бы Тайиб Салих прожить всю жизнь в счастливом браке со своей британской женой, не напиши он этот роман в первый год их совместной супружеской жизни?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вамик Д. Волкан* (2012) Расширение психоаналитической техники: руководство по психоаналитическому лечению. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа. 352 с.
2. *Салих Т.* (2013) Сезон паломничества на Север. Retrieved April 19, 2021. From https://royallib.com/book/attayib_salih/svadba_zeyna_sezon_palomnichestva_na_sever_bender_shah.html 173 с.
3. *Akhtar S.* (1995) A third individuation: Immigration. Identity and the psychoanalytic process. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 43, 1051–1084.
4. *Bell Carl C.* (1980) Racism: a symptom of the narcissistic personality disorder. *Journal of the national medical association*, Vol. 72. No. 7. 1980. P. 661–665.
5. *Isra Daraiseh et. al.* (2018) Tayeb Salih and Modernism's Season of Migration to the South. *IAFOR Journal of Arts & Humanities*. 2018. Vol. 5. Issue 2. Autumn. 51–67.
6. *Mario Mikulincer et. al.* // Пер. Курсакова А. А. Взгляд на психопатологию с точки зрения теории привязанности. *World Psychiatry*. 2012. No. 11. P. 11–15.
7. *Muhaidat Fatima et. al.* (2018) The Psychological Plight of the Colonized in Tayeb Salih's Season of Migration to the North. 14. 93–102. 10. 3968/10123.
8. *Tayeb Salih* (1982) Tayeb Salih speaks. Washington D.C. Office of the Cultural Embassy of the Democratic republic of Sudan. 78 p.
9. *Volkan V.D.* (1997) Bloodlines: From ethnic pride to ethnic terrorism. New York: Farrar, Straus & Giroux. 280 p.
10. *Volkan V.D.* (1999) Nostalgia as a linking phenomenon. *Journal of Applied Psychoanalytic Studies*. 1: 169–179.
11. *Volkan V.D.* (2018) Mourning, large-group identity, and the refugee experience. In *an Uncertain Safety: Integrative Health Care for the 21st Century Refugees*. Ed. B. Drozdek. New York: Springer.

A psychoanalytic reading of the case of the Sudanese immigrant Mustafa Saeed in Tayeb Salih's novel *The Season of Migration to the North*

V.Y. Vinichenko

Vinichenko Valentin Yurevich – PhD in Economics, Master of Psychology, Psychoanalytic Psychologist.

*The generally accepted view of psychologists and literary critics of Tayeb Salih's *Season of Migration to the North* is that Mustafa Saeed's violent interracial sexuality towards British women is due to an unconscious desire for revenge for the brutal occupation of Sudan by the British colonialists. This explanation also reflects the view of the writer on his work, expressed by him in an interview with Arab media. The article attempts to psychoanalyze the dynamics of intrapsychic conflicts of Mustafa Said using modern psychoanalytic concepts explaining the intrapsychic conflicts of immigrants. The results of the study turned out to be radically different from the generally accepted established view and allow us to conclude that Mustafa Saeed is a split-off "bad part" of the writer Tayeb Salih.*

Keywords: Tayeb Salih, Mustafa Saeed, psychoanalysis, immigration, collective trauma, object binding, Oedipus complex, narcissistic rage, psychosis, grandeur, splitting, operativeness, avoidance of attachment.